Марина Пикузова

Родной чужой человек

Марина Пикузова

Родной чужой человек

«Автор»
2026

Пикузова М.

Родной чужой человек / М. Пикузова — «Автор», 2026

Что общего между успешным бизнесменом и простым парнем из демонтажной бригады? Каждый из них привык иметь дело с суровой и осязаемой реальностью. Но у судьбы свои планы, и порой один случайный вечер или один удар гвоздодёра под гнилую половицу способны полностью переписать человеческую жизнь.В первой повести тридцатидвухлетний Олег встречает у дверей кофейни хрупкую старушку, потерявшую всё из-за предательства близкого человека. Решив помочь ей, он даже не подозревает, что эта чужая бабушка с израненным сердцем и глубокой послевоенной памятью спасет его самого.Во второй повести молодой строитель Максим находит под порогом сносимой избы фронтовой треугольник. Письмо запускает цепочку невероятных событий, заставляя героя штурмовать строгие советские архивы и преодолевать тысячи километров в погоне за чужим, давно потерянным счастьем.В книге собраны две трогательные и мудрые истории о том, как случайные люди становятся самыми близкими.

© Пикузова М., 2026
© Автор, 2026

Родной чужой человек

Глава 1. Скорость большого города

Пятничный вечер бережно укутывал город мягкими сентябрьскими сумерками. За окнами внедорожника Олега плыли огни витрин и бесконечные вереницы машин. Мужчина расслабил узел галстука, откинулся на кожаное сиденье и с облегчением выдохнул. Позади осталась сложная рабочая неделя — успешная, насыщенная, но унесшая с собой немало сил. Сейчас больше всего на свете ему хотелось простого уюта и чашки горячего напитка.

Олег повернул руль и припарковался у обочины своего любимого маленького кафе в тихом переулке. Он часто заезжал сюда после работы — просто ради того, чтобы ненадолго замедлить ход этой безумной городской гонки. Мужчина предвкушал, как сделает глоток крепкого, ароматного эспрессо и наконец сбросит с плеч груз рабочих забот.

У самого входа его взгляд зацепился за серый, почти невидимый силуэт. На нижней гранитной ступеньке, сжавшись в комок, сидела пожилая женщина. Ее старенькое пальтишко с обтрепанными краями давно выцвело, а на ногах красовались поношенные, не по сезону теплые ботинки. Она не протягивала руку и не заглядывала прохожим в глаза. Бабушка просто сидела, опустив голову, безвольно облокотившись сухими ладонями на старую деревянную клюшку. В ее фигуре читалось такое глубокое, тихое смирение, что Олег на секунду замер.

В его груди отозвалось непривычное, щемящее чувство тревоги. На секунду ему показалось, что мимо этой беззащитной фигуры просто невозможно пройти. Уставший за неделю разум попытался мягко успокоить его: «Наверное, просто ждёт кого-то или присела перевести дух». Олег невольно задержал на ней взгляд, прежде чем толкнуть стеклянную дверь и войти внутрь.

Однако внутри уютного зала, под негромкий джаз и стук чашек, расслабиться не получилось. Олег сидел у окна, медленно делал глотки, но дорогой кофе не приносил привычного удовольствия. Мужчина честно пытался забыться и просто раствориться в вечерней атмосфере кафе, но взгляд то и дело возвращался к стеклу. За окном, прямо в отражении витрины, застыл один и тот же силуэт, покрытый стареньким ситцевым платком. Женщина не шевелилась и никуда не уходила. Вокруг нее бурлила сытая городская жизнь: мимо проходили смеющиеся парочки, менеджеры в дорогих костюмах брезгливо обходили ступеньку, а она так и оставалась неподвижной деталью пейзажа.

Прошел час. Все это время Олега изнутри жгло тяжелое, горькое недоумение. Он вселенски не понимал такого холодного равнодушия. Не выдержав этого зрелища за окном и понимая, что больше не может просто сидеть и смотреть, Олег подозвал девушку за стойкой:

— Подскажите, а что за бабушка сидит у вас на лестнице? Ждет кого-то?

Официантка равнодушно пожала плечами, протирая бокал и даже не взглянув в окно:

— Да кто ее знает… С самого утра там примостилась. Очередная попрошайка, они тут то и дело ошиваются. Не обращайте внимания, мужчина, сама уйдет, как похолодает.

В груди Олега неприятно кольнуло. Ему вдруг стало тошно находиться в этом теплом, пахнущем корицей зале. Он быстро расплатился и вышел на улицу.

Вечерний воздух стал заметно холоднее, ветер пробирал до костей. Мужчина сделал несколько шагов, остановился прямо перед женщиной и опустился на корточки, чтобы оказаться с ней на одном уровне и не давить своим ростом.

— Извините… — негромко, чтобы не напугать, позвал он. — Вы потерялись? Может, забыли адрес? Скажите, я помогу Вам.

Глава 2. Теплые тапочки и остывающий чай

Женщина медленно, словно преодолевая страшную усталость, подняла на него глаза. Они были полны какой-то бесконечной, выжженной пустоты.

— Нет у меня дома, сынок… — ее голос задрожал, и из уголка глаза покатилась тонкая слезинка, затерявшись в глубоких морщинах.

Олег растерялся. В голове, привыкшей к четким логическим цепочкам, никак не укладывалось, как человек может остаться абсолютно один на асфальте.

— Как нет дома?.. Подождите, может, Вы из интерната? Тут неподалеку есть дом престарелых. Давайте я Вас довезу, у меня машина тут за углом.

Старушка грустно, но ласково улыбнулась, качнув головой:

— Какого интерната? Нет, милый, не знаю я никаких таких… Вот теперь мой дом, — она обвела дрожащей рукой пустеющую улицу. — Небо синее да земля-матушка… Ты не переживай за меня, сынок, все хорошо. Я ведь только отдохнуть присела… Силы уж совсем не те стали, ноги не держат…

Олег решительно выпрямился, не давая внутреннему сомнению ни единого шанса. Оставлять её здесь в надвигающихся сумерках было бы настоящим преступлением перед собственной совестью.

— В общем так. Давайте-ка вставайте. Поедем ко мне: выспитесь на нормальной постели, горячего поедите, а завтра уже спокойно, на свежую голову, разберемся, что у Вас стряслось.

Старушка испуганно всплеснула руками и сильнее вцепилась в свою клюшку:

— Да что ты, милый! Нет-нет, и не вздумай даже! Я уж лучше тут, на свежем воздухе… Не привыкла я на чужой шее сидеть. Всю жизнь сама, ни у кого копейки лишней не попросила.

— А никто Вас на шею сажать и не думает, — мягко перебил ее Олег, улыбнувшись. — Живу я один, родных нет, квартира большая, три комнаты пустуют. Поживете временно, как гостья, пока мы не придумаем, как Вам помочь. Ну не оставлять же Вас здесь на ночь?

Анна Кирилловна опустила голову, на ее бледных щеках проступил едва заметный румянец стыда.

— Нет, сынок, не могу я… Совесть загрызет. Старая я уже, обуза от меня одна.

Олег понял, что прямой настойчивостью эту гордую женщину не переубедить. Нужно было зайти с другой стороны.

— Так… Хорошо. Давайте тогда договоримся по-взрослому. Я работаю сутками напролет. Дома — вечный беспорядок, хозяйки нет, питаюсь чем попало из доставок. Вот Вы мне и поможете! Будете по хозяйству помогать, пока я на работе. Идет?

Анна Кирилловна внимательно посмотрела на него. Она увидела в этом молодом человеке то, что сейчас редко встретишь — искреннее, не испорченное цинизмом сострадание.

— Хороший ты парень… Сердце у тебя золотое, большое. Обижать тебя отказом не хочу, да и силы, признаться, на исходе. Ладно, сынок, согласная я. Пошли.

— Ну вот и замечательно! — обрадовался Олег, чувствуя, как с души свалился огромный камень. — Давайте руку, помогу встать.

Он бережно подхватил ее под локоть. Старушка оказалась удивительно легкой, почти невесомой, словно высохшая веточка.

До машины они шли не торопясь. Олег аккуратно усадил Анну Кирилловну на переднее сиденье своего просторного внедорожника, бережно застегнул ремень безопасности и спрятал клюшку в багажник. Когда мотор тихо заурчал, старушка вздрогнула и удивленно уставилась на светящийся сенсорный экран приборной панели.

— Надо же, техника какая… — тихо прошептала она, рассматривая бегущие огоньки навигатора. — Как в кино показывают. В наше-то время, сынок, мы за счастье считали, если полуторка трехтонная в село заедет. Ребятишки, бежали за ней по пыли, радовались… А тут — чисто самолет.

Олег мягко улыбнулся и тепло посмотрел на неё:

— Это точно. Для комфорта человека сейчас чего только нет… А вот та искренняя радость и душевность, что были у вашего поколения, теперь куда-то ушли.

Старушка тихонько вздохнула, поправив узелок на коленях:

— Твоя правда, сынок. Вещей-то у людей много стало, а тепла друг к другу — на донышке… Ты вот один не побрезговал к старой подойти. Как звать-то тебя, благодетель?

— Олег, — ответил мужчина, плавно перестраиваясь в левый ряд. — А Вас?

— Анна Кирилловна я, — негромко отозвалась она, и в её глазах впервые мелькнул робкий огонек доверия. — Свиридова.

— Ну вот и познакомились, Анна Кирилловна, — Олег тепло улыбнулся.

Через двадцать минут мягкий автомобиль затормозил во дворе современной высотки. Олег повернул ключ в замке двери своей квартиры и пропустил гостью вперед. В прихожей пахло хорошим парфюмом, деревом и легкой прохладой от кондиционера. Анна Кирилловна несмело переступила порог, боясь наследить своими старыми, запыленными ботинками на чистом, глянцевом ламинате. Она замерла у самого коврика, вжав голову в плечи.

Олег тут же заметил её замешательство. Он мягко подставил ей удобный пуфик у стены, достал из шкафа пушистые гостевые тапочки и гостеприимно улыбнулся:

— Присаживайтесь, Анна Кирилловна, отдыхайте с дороги. Не спеша переобувайтесь вот в эти тапочки — они новые, специально для гостей. И не переживайте за пол, его всё равно завтра клининг мыть приедет, — соврал он, чтобы снять с неё груз неловкости.

— Спасибо. — благодарно кивнула старушка.

Она присела и принялась аккуратно снимать свои тяжелые, не по сезону теплые ботинки. Когда Анна Кирилловна переобулась и поднялась, Олег мягко улыбнулся и предложил:

— Анна Кирилловна, давайте я Вас сначала со своей квартирой познакомлю, чтобы знали, где что находится. Проходите, не стесняйтесь. Вот здесь, направо — зал, дальше моя комната. Слева по коридору — кухня, мы туда чуть позже чаевничать пойдём. Здесь вот туалет и ванная…

Старушка шла за ним, робко оглядываясь по сторонам. Она заворожённо смотрела на высокие потолки, обилие света и непривычную современную обстановку. На её лице читалось такое искреннее изумление, будто она попала в настоящий музей.

Они не спеша дошли до самого конца длинного коридора. Олег остановился у последней двери, мягко улыбнулся и распахнул её перед гостьей:

— Ну а вот эта комната, Анна Кирилловна, теперь Ваша. Она абсолютно свободна, располагайтесь.

Старушка заглянула в светлую, просторную комнату с большим окном, пушистым ковром и заправленной свежим бельем кроватью. Она замерла на пороге, боясь нарушить эту безупречную чистоту.

— Бог мой… Вот это хоромы у тебя, сынок! Я в таких и не бывала никогда за всю жизнь.

— Да ну что Вы, скажете тоже — хоромы, — рассмеялся Олег. — Самая обычная квартира. Вы бы видели, какие сейчас дворцы люди строят… А я всю эту роскошь не люблю. Главное, чтоб уютно было.

— Это ты правильно мыслишь, — одобрительно кивнула Анна Кирилловна.

— Ну что, Анна Кирилловна, прошу к столу! — Олег гостеприимно указал на кухню. — Будем чай пить. Я там, в кафе коробку изумительных пирожных взял. Страсть как люблю сладкое после тяжелого дня.

На современной кухне, сверкающей хромом и черным стеклом, Анна Кирилловна смущенно примостилась на самом краю мягкого стула, бережно сложив на коленях узловатые, натруженные руки. Олег зашумел чайником, достал чашки и открыл картонную коробку. На белом пергаменте лежали изящные пирожные с яркими ягодами малины и воздушным кремом.

Старушка посмотрела на них с благоговением, но прикоснуться не решилась. Она взяла в руки только чашку с горячим чаем, вдыхая аромат. Ей по-прежнему было неловко, внутри покалывало чувство стыда за свою слабость. Но сквозь этот стыд пробивалось забытое, щемя-

щее чувство тепла. Она слишком сильно истосковалась по простой человеческой заботе, по тому, чтобы кто-то просто спросил, как она себя чувствует. Наверное, именно этот дефицит душевного тепла, а вовсе не страх перед ночевкой на улице, и заставил ее довериться этому незнакомому мужчине.

— Вы почему не кушаете? — Олег пододвинул к ней тарелочку. — Берите, они со свежей малиной, очень вкусные.

Анна Кирилловна робко взяла маленькую десертную ложечку, отломила кусочек и положила в рот. Её глаза на мгновение затуманились воспоминаниями.

— Вкусно как, Господи… Сладкое — оно ведь душу греет. Я помню, в сорок третьем, я работала санитаркой, и под зиму, нам в госпиталь привезли мешок мерзлой свеклы. Мы её пекли на буржуйке. Она сладкая такая казалась, как самый дорогой леденец. Мы, её по крошечке тянули, чтоб подольше радость сберечь… Вот и сейчас твое пирожное ем, а ту свеклу вспомнила.

Олег слушал её, и кусок пирожного застрял у него в горле. Он впервые осознал, какая бездна жизненного опыта сидит сейчас напротив него на его современной кухне.

Глава 3. Стены из стекла и бетона

Переступив порог отведённой ей комнаты после чаепития, Анна Кирилловна застыла на месте, робко оглядывая пространство, которое отныне должно было стать её временным пристанищем.

Огромное окно выходило на солнечную сторону, и по утрам комната умывалась тёплыми, ласковыми лучами. Сейчас же в ней царил мягкий вечерний полумрак. На окне струился белоснежный, воздушный тюль, обрамлённый плотными шторами приятного персикового оттенка. Обои нежного, светло-песочного цвета отражали свет и делали комнату удивительно уютной. Мебели здесь было немного, и вся она дышала аккуратностью: у окна расположились лаконичный стол и пара стульев, у правой стены стоял небольшой диванчик с высоким торшером, а у левой — строгий комод с овальным зеркалом над ним. Почти всё свободное пространство на полу занимал пушистый бежевый палас.

Заметив её минутное оцепенение, Олег встревоженно спросил:

— Вам не нравится?

Старушка медленно повернула к нему лицо, и на её губах заиграла слабая, растерянная улыбка:

— Да что ты, сынок… Она чудесная. Я просто… просто глазам своим не верю. Всё боюсь, что очнусь сейчас на той холодной ступеньке, а это всё сон…

— Не сон, даже не сомневайтесь! — улыбнулся Олег, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло. — Вы располагайтесь, отдыхайте, а мне нужно ненадолго отъехать по делам. Скоро буду.

Олег уехал в торговый центр. Он ходил между рядами и растерянно соображал, что нужно пожилому человеку, у которого из вещей — только поношенное пальто и деревянная клюшка. В его корзину отправились мягкий махровый халат, пара теплых домашних костюмов, удобная обувь, новые зубная щетка и расческа. Олег действовал по-мужски прямолинейно, но в каждый выбор вкладывал непривычную для себя заботу.

Вернувшись из супермаркета, Олег застал Анну Кирилловну в гостиной. Он с улыбкой вручил ей пакеты. Старушка растерянно рассматривала мягкий махровый халат, новые домашние костюмы и удобную обувь, а в её глазах снова заблестели слезы — на этот раз от теплоты и удивления.

Прошло три дня. Каждое утро Олег рано уезжал по делам. Его бизнес требовал постоянного присутствия: бесконечные звонки, встречи с партнерами и решение сложных рабочих вопросов отнимали кучу времени и сил. Но теперь, даже находясь на важных переговорах, Олег то и дело ловил себя на одной и той же мысли: «Как она там одна?».

А Анна Кирилловна в это время вовсю хлопотала по хозяйству. Как они и договаривались у кофейни, она просыпалась поутру, прибиралась в комнатах и готовила для него вкусные домашние обеды, стараясь изо всех сил порадовать парня после тяжёлого рабочего дня. Олег всегда очень благодарил её за эту заботу, возвращался домой с подарками или приносил к чаю что-нибудь вкусненькое.

Но несмотря на искреннее радушие Олега, его внимание и крышу над головой, старушка постоянно пребывала в глубоких, расстроенных чувствах. Почти всё свободное время она проводила на стуле у окна. Садилась на самый краешек, поджимала под себя ноги в непривычно больших гостевых тапочках и часами молча смотрела на улицу. Машины внизу казались крошечными муравьями, люди — песчинками. В её глазах, устремлённых куда-то сквозь предвечерние сумерки, застыли такие боль и отчаяние, что у Олега, когда он возвращался по вечерам, буквально сжималось сердце. Но сделать с этим он ничего не мог, как бы ни старался её порадовать или отвлечь. Мужчина чувствовал, что её терзает какая-то спрятанная глубоко внутри боль, но лезть в душу не хотел.

Глава 4. Деревья памяти

В один из вечеров Олег вернулся с работы позже обычного. В квартире было темно, и только из её комнаты пробивался тонкий лучик света. Олег тихонько приоткрыл дверь.

Старушка сидела за столом, низко склонившись под мягким светом небольшого ночника, и беззвучно плакала. В ее в дрожащих руках была старая, пожелтевшая от времени фотография с потрескавшимися уголками. На снимке счастливо улыбались молодые мужчина и женщина, а на руках у них сидели двое круглолицых маленьких ребятишек.

— Это ваша семья? — тихо спросил Олег и присел на соседний стул.

Анна Кирилловна не отрывала глаз от глянцевой бумаги, словно пыталась пальцами дотянуться до тех, кого не было рядом. Олег сидел тихо, стараясь даже дышать через раз, чтобы не разрушить этот хрупкий момент доверия.

— Был у меня дом, сынок, был… — голос её звучал глухо, надтреснуто, как старая сухая ветка. — В Немцово жили. Тут ведь, считай, неподалёку… Я там и родилась, там и жизнь всю прожила. Сразу после школы, девчонкой совсем, замуж выскочила за Феденьку своего. Хороший был человек, работящий, ласковый… Десять годков уж, как схоронила его. Царствие ему небесное…Она перевела дыхание и дрожащим пальцем коснулась лиц детей на фото. Из её глаз снова покатились крупные, чистые слёзы.

— Сына с дочкой вырастили, кровиночек моих… Да только война в Афганистане обоих и забрала. Сначала сын Юрка без вести пропал, а потом дочка Танюшка тоже…. Она поехала вслед за братом, медсестрой… Не смогла здесь сидеть, хотела ребятам и брату помогать. Как я выжила тогда, как с ума не сошла — сама не знаю. Наверное, работа в колхозе спасла: спину гнешь от зари до зари, рук не чуешь, придешь в избу, упадешь на топчан и затихнешь.

Она замолчала, качнув головой, и в комнате воцарилась тяжелая, осязаемая тишина. Олег чувствовал, как внутри него всё сжимается от этой концентрированной, вековой боли.

— А после вывода войск из Афганистана мы с Федей в перелеске, прямо за околицей нашего Немцово, посадили клён да рябинку, — продолжала Анна Кирилловна, и её голос вдруг стал мягче, словно она рассказывала о чём-то живом и близком. — В память о них. Клён — в честь сына, рябину — за дочку… И ходили туда всю жизнь, как на могилки. Настоящих-то могил не было у нас. Вот мы к деревьям тем и тянулись. Придёшь, бывало, обнимешь ствол шершавый, поговоришь, поплачешь, погладишь кору… В то время многие так делали, у кого родные не вернулись. Выйдешь за село вечером — а в перелеске то тут, то там бабьи платки белеют. Стоят, с березками, рябинками да дубками шепчутся, как с живыми. Вся роща наша слезами полита была. Вот они у меня там все и остались.

Она бережно, словно хрустальную, положила карточку на стол и посмотрела прямо на Олега. В её взгляде не было злости или обиды на весь мир — только бесконечная, глубокая мудрость человека, который видел дно человеческого горя.

— Знаешь, сынок, что для меня всегда было самым обидным в этой жизни? Что всё проходит… Детство, юность, молодость, здоровье… Все счастливые, теплые моменты, дети, любовь — всё уходит. И как бы сильно тебе ни хотелось, как бы ты ни плакал, ничего уже назад не воротишь. Время — оно ведь как вода сквозь пальцы. Поймать хочешь, кулак сожмешь — а ладонь пустая. Поэтому, сынок, ты послушай старуху: цени каждый миг своей жизни. Радуйся всякому дню, каждому доброму слову, потому что когда-нибудь и это уйдет. Уйдет безвозвратно, оставив только память…

Глава 5. Родная кровь

Олег слушал Анну Кирилловну, затаив дыхание. В горле стоял тугой, горький ком, а к глазам подступали предательские слезы. Чтобы не выказать своей слабости, Олег крепко сжал кулаки под столом, вонзая ногти в ладони.

Когда в комнате снова повисла звенящая тишина, он мягко, стараясь говорить как можно спокойнее, задал тот самый вопрос, который мучил его с первой минуты встречи:

— Но как же так вышло, Анна Кирилловна? Почему Вы оказались на улице? Что случилось с Вашим домом?

Старушка горько усмехнулась, качнув головой, и взгляд ее сделался совсем тусклым, подернутым пеленой воспоминаний:

— У сына жена молодая осталась в Немцово. Его призвали, а она только-только узнала, что беременна. Родила, а спустя год пришло извещение о том, что Юра пропал без вести… У неё сердце слабое было, сильно переживала, ждала его каждую минуту и не выдержала, угасла девка. Остался внук Сережка сиротой. Вот мы с Федей его к себе и забрали. Растили как родного сына, всю душу в него вложили, ни в чём отказа не знал. Он как школу окончил, сразу в город подался — за большой жизнью. Осел там, устроился. А несколько лет назад женился, и правнучек у меня родился, Егорка…

Она ненадолго замолчала, словно собираясь с силами, чтобы произнести самое наболевшее, то, что жгло её изнутри все эти месяцы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.